

<1959>

1 ноября. Воскресенье.

В 10-й книге журнала «Октябрь» за 59 год В. Перцов¹ опубликовал «Ощущение Америки». Там он описывает большой книжный магазин на Бродвее. Магазин, по его словам, специализировался на порнографии: «Страсти тигрицы», «Примитивные страсти», «Половая жизнь в браке» и в центре — «проблемный» роман Владимира Набокова «Лолита», в котором издавшего виды мужчину растлевают двенадцатилетняя девочка. Перцов говорит, что это один из наиболее стойких бестселлеров. «По данным книжного обозрения «Нью-Йорк таймс», во время нашего пребывания, во второй половине августа, пошла 52-я неделя спроса на эту книгу»².

Перцов называет эту книгу «порнографической». Да, конечно, бестселлерами бывали книги и пониже сортом: и рокамболевская серия³, и пинкертоны⁴, и Микки Спиллейн⁵. А что такое «Лолита»? Какова её история? Кто её автор⁶?

¹Виктор Осипович Перцов (1898—1980) — советский литературовед и литературный критик; крупнейший исследователь творчества В.В. Маяковского, автор ряда работ о С.Есенине, благодаря которым его произведения стали доступны широкому читателю.

² Издана в Америке 18 августа 1958 г.

³Рокамболь — персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX века о похождениях Рокамболя французского писателя П. дю Террая (Террайля). Персонаж Рокамболя — первый литературный супергерой, предвосхитивший Тарзана, Фантомаса, Джеймса Бонда и др.

⁴Очевидно, имеется в виду определенный разряд литературы, получивший у криков презрительное обобщенное название «пинкертоновщина» — по имени главного героя самого известного цикла — «короля сыщиков» Ната Пинкертона, прототипом которого послужил американский сыщик Алан Пинкертон. Помимо Пинкертона, героями таких книг были Ник Картер, Шерлок Холмс и др.

⁵Микки Спиллейн (1918—2006) — американский писатель, автор более 20 романов (изданных общим тиражом более 140 млн экз.) в жанре «крутой детектив». Его герой — частный детектив Майк Хаммер, один из самых популярных персонажей массовой культуры.

⁶ Представить интеллектуальный фон публикуемых записей помогает такое свидетельство: «Благодаря ей <Лолите>Набоков сделался очень популярным в среде диссидентствующей столичной интеллигенции. Каноническая набокowska фотография (а бытование любого классика литературы немислимо без утверждения канонического изображения, закрепляющего его образ) — ироничный наклон головы, лукавый прищур, откровенно декоративное пенсне — очень скоро вытеснила из интеллигентского иконостаса бородатого «старика Хэма», а романы Набокова вошли в «джентльменский список» просвещенной советской элиты» (Мельников Н. [Препамбула к подборке

Lolita

Лолита — женское имя. Имя девочки Лолита или Ло — уменьшительное имя от Dolores. Лолита — это «нимфочка», the nymphet. В английском языке существовало прежде только слово the nymph, обозначавшее мифологическую нимфу, а также куколку, нимфу — личинку насекомого. Набоков обогатил английский язык новым существительным, изобретя the nymphet (нимфет) — определение преждевременно созревшей девочки, ныне повсеместно принявшееся в Соединенных Штатах.

Прежде всего об авторе. Владимир Набоков родился в царской России, в семье аристократа и вельможи⁷. Его отец был одним из деятелей партии конституционалистов-демократов (кадет)⁸, англоман, западник Константин⁹ Дмитриевич Набоков. Он описан в романе «Эмигранты» Алексея Толстого¹⁰. Сейчас уже мы забыли ту нашумевшую историю: после революции Набоков был убит за границей представителями враждебной эмигрантской группы¹¹. Кажется, он дал объявление в газете о продаже своего придворного мундира¹², словом демонстративно выступал против великодержавной гордости

рецензий на «Лолиту»] Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 266).

⁷ Отец В. В. Набокова Владимир Дмитриевич Набоков был родовит, но беден (богатство пришло в семью от его супруги, Елены Ивановны Рукавишниковой), так что слово «вельможа» — знатный, родовитый и богатый сановник; важный и знатный человек — вряд ли может здесь считаться уместным.

⁸ В. Д. Набоков являлся одним из учредителей Конституционно-демократической партии. Долгое время занимал пост товарища председателя (заместителя) кадетского ЦК и редактора партийного органа «Вестник партии Народной Свободы».

⁹ Здесь Назиров смешивает биографии двух сыновей Д. Н. Набокова. К. Д. Набоков (1874—1927) — младший брат отца В. В. Набокова, юрист, дипломат; в 1905 году — член русской делегации на мирных переговорах в Портсмуте, с 1906 года — первый секретарь миссии России в Бельгии. С 1910 года — первый секретарь посольства в Вашингтоне. В 1912—1915 годах — генеральный консул России в Калькутте. В 1916 году направлен в Великобританию советником посольства, которым с мая 1917 года временно управлял, оставаясь в должности советника с присвоением ему лично звания чрезвычайного посланника.

Ошибка Назирова порождает коллизию, достойную набоковского новеллистического дара: детей у Константина Набокова не было и быть не могло — как пишет Владимир Набоков в «Других берегах», у отца было три брата: Дмитрий, Сергей (указаны обстоятельства их женитьбы) и Константин, «к женщинам равнодушный» (гл. III, 3).

Полагаем, что для уточнения этой генеалогической информации Р. Г. Назиров мог обращаться к энциклопедическим источникам, но в словаре Брокгауза и Ефрона (1890—1907) содержатся лишь статьи о Д. Н. и В. Д. Набокове, а в советских энциклопедиях, изданных к моменту создания этих записей (Малой и двух изданиях Большой (1926—1947 и 1949—1958) нет упоминаний ни об одном из Набоковых (!).

¹⁰ Из текста дневника как будто можно сделать вывод о том, что В. Д. (К. Д.) Набоков послужил прообразом героя «Эмигрантов» Ардашева, издателя одной из левых эмигрантских газет, убитого шайкой Хаджет Лаше, однако образ Ардашева во всем, кроме гибели от рук террористов, слишком далеко отстоит от фигуры Набокова-старшего. В действительности в романе фигурирует как реальное лицо Константин Дмитриевич Набоков, «изящный и выхолненный» (гл. 6).

¹¹ Погиб во время покушения эмигрантов-монархистов на П.Н. Милюкова.

монархистов. В 20-ые годы убийство Набокова было крупной сенсацией: тогда вообще много убивали, но тут убили своего, русского барина, аристократа. Это случилось где-то в начале 20-х годов.¹³

Владимир Константинович Набоков с семнадцати¹⁴ лет жил во Франции, а также побывал в Англии и Германии. Он издал в эмиграции восемь повестей¹⁵ на русском языке, писал тогда исключительно по-русски. Его фамилия была известна в литературных кругах Европы.

В 1940 году Набоков, вместе с многими французами, бежавшими от войны, одновременно со Стравинским¹⁶, переплыл океан и обосновался в Америке. За годы, прошедшие после этого, Набоков так великолепно овладел английским языком, что теперь его считают одним из выдающихся стилистов этого языка. Сейчас он — профессор европейской литературы в одном из университетов США¹⁷, а кроме того — страстный лепидоптеролог (исследователь мотыльков¹⁸). «Лолита», написанная по-английски, а точнее по-американски¹⁹, принесла ему мировую известность.

---

¹²В. Д. Набоков отличался сильным характером, умением отстаивать собственное мнение; часто шел против большинства. В 1903 г. он выступил с протестом против кишиневского антисемитского погрома (опубликовал в журнале «Право» статью «Кишиневская кровавая баня»); в 1904 г. во время русско-японской войны он отказался на банкете поднять тост за здоровье царя, а после Кровавого воскресенья опять огласил свой протест и был лишен камер-юнкерского чина. «На этот шаг консервативной бюрократии Владимир Дмитриевич отреагировал с присущим ему сарказмом. Он поместил в газетах объявления о продаже за ненадобностью придворного мундира» (Архипов И. В. Д. Набоков: либерал и патриот // Звезда. 2009. № 7)).

¹³28 марта 1922 г.

¹⁴В действительности — с 19 лет и в иной последовательности: в Британии (в Лондоне, затем в Кембридже, будучи студентом Тринити-колледжа), в Берлине (с 1920 г. — наездами из Кембриджа, с 1922 — постоянно), затем в Париже (с 1937).

¹⁵Все же — романов; возможно, это трудности перевода (*novel* в переводе с английского — роман, в русском языке *новелла* — относительный аналог повести).

¹⁶Если быть точным, то на год позже Стравинского (в 1940 г.).

¹⁷На момент создания этих записей, через несколько месяцев после публикации «Лолиты» в Америке, — в Корнеле.

¹⁸Лепидоптерология — раздел энтомологии, изучающий представителей отряда Чешуекрылые насекомые — бабочек, или мотыльков; как энтомологические термины эти слова являются абсолютными синонимами; однако обычно в связи с фигурой Набоковым принято упоминать именно бабочек; именно бабочка обсуждается традиционно как эмблема всего его творчества.

¹⁹Нам представляется, что здесь Р. Г. Назиров имеет в виду не американизмы в языке и стиле «Лолиты», не идейный либо содержательный дух американской литературы — так в дневнике молодого ученого (и журналиста!) звучит осуждающая тональность советской прессы. Нечто подобное, только гораздо более мягко, в неожиданно снисходительном тоне пробивается у Б. Носика, автора «Первой русской биографии писателя» (Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. М.: Пенаты, 1995. 552 с.), в главе, которая, между прочим, названа «Жить и работать по-американски»: «Чего больше желать беженцу? Эти люди разных национальностей, приехавшие сюда вчера, позавчера, или, может, чуть раньше, — они все уже были американцы. Что ж, он тоже будет американец. Не житель несуществующего Петербурга, не псевдо-берлинец, не псевдо-парижанин, не дачник-ментонец, не даже европеец. Просто американец. Раз уж так сложилась судьба...» (с. 398).

Повесть «Lolita» издана впервые в 1955 году издательством Olympia Press, на английском языке, но во Франции. Вскоре после этого появились переводы на шведский, немецкий, датский, итальянский, голландский языки. Однако в ближайшее время власти во Франции конфисковали английское издание, вероятно под давлением британских властей, которые жаловались, что книжка в больших количествах переправляется через канал.

Американские издатели три года читали книгу и отвергли ее один за другим. Кажется, с ней ознакомились почти все крупные фирмы. Никто не хотел издавать её: она была слишком цекотливой, слишком дразнящей. Один из крупнейших издателей предложил Набокову, чтобы он заменил Лолиту мальчиком²⁰ и все будет в порядке. Набоков не согласился, он предпочитал ждать.

И он не ошибся. Добрые вести начали поступать сразу, все вместе. Дж. П. Патнэм (J.P. Putnam) решился на американское издание и книга сразу стала бестселлером. Почти одновременно Олимпия Пресс выиграла дело о конфискации. Одна из больших лондонских фирм начала готовить английское издание, вопреки угрозе со стороны лорда-канцлера²¹.

«Лолита», повесть о физической любви двенадцатилетней девочки и пожилого господина Гумберта, стала величайшим литературным успехом последних лет. В Соединенных Штатах уже год она удерживается в списке десяти бестселлеров, а в течение двух месяцев она возглавляла этот список.

В какой-то степени успех книги обусловлен окружившей её атмосферой²² скандала. Тема острая: роман пожилого²³ человека с его падчерицей, двенадцатилетней «нимфочкой», аморальной и несимпатичной²⁴. Вся история

---

²⁰В тексте дневника после слова «мальчиком» запятая пропущена. Прочитируем: “My poor Lolita is having a rough time. The pity is that if I had made her a boy, or a cow, or a bicycle, Philistines might never have flinched” (Моей бедной Лолите приходится нелегко. Самое обидное, что если бы я сделал ее мальчиком, или коровой, или велосипедом, обыватели, скорее всего, и ухом бы не повели (Из письма Набокова Грэму Грину, 1956) (Vladimir Nabokov. Selected letters. 1940—1977. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovic, 1989. P. 197—198).

²¹Запрет действовал в Англии с 1955 по 1959 г.

²²Так в тексте дневника.

²³Гумберту в начале романа — 37 лет; Назирову к моменту создания этих записей — 25.

²⁴Очевидно, здесь автор записей транслирует чужую тенденциозную оценку образа Лолиты; вполне понятно, почему она названа аморальной, но вот необходимость быть симпатичной как будто предполагает уже сама фабула...

Прочитируем наиболее известный на сегодняшний день потенциальный источник этих оценок — статью Ю. Чаплыгина «Чары Лолиты», опубликованную за несколько месяцев до того как Назиров напишет эти заметки (Литература и жизнь. 1959. 5 апреля (№ 41)): «Лолита — героиня модной и разрекламированной повести. Маленькая двенадцатилетняя девочка. В повести ее называют нимфой. Прочтя первые страницы, читатель убеждается в том, что ребенок понадобился автору книги для того, чтобы надругаться над ним перед лицом всей Америки. Он растлевает свою героиню, а заодно и молодых читателей — американских юношей и девушек. Сцены растления он

рассказывается от первого лица героем истории. Рассказчик, доктор Гумберт (имя) Гумберт (фамилия) женится на матери этой девочки, чтобы приблизиться к «нимфочке» — Dolores Haze. После смерти матери Лолиты рассказчик реализует свои желания и забирает свою воспитанницу в автомобильное путешествие по Соединенным Штатам.

Лолита — маленькая нимфоманка, удачно попавшая на доктора Гумберта, потому что в области сексуальной он признает только маленьких девочек. Женившись на её матери, герой убивает²⁵ эту женщину, затем похищает Лолиту из школы, и они ездят в автомобиле по всей Америке, задерживаясь в маленьких отелях и мотелях; он всё более зависит от нее, всё более к ней привязывается. Девочка в конце концов убегает от него, Гумберт тщетно ищет её, наконец, находит человека, который помог ей бежать, и убивает его способом жестоким и медленным. Он находит также и Лолиту в счастливом замужестве с каким-то молодым и глупым парнем, ожидающую первого ребенка.

Повесть кончается для Гумберта трагически: он в тюрьме, но, вероятно, суд людской над ним не состоится, так как теперь он смертельно болен²⁶. Однако автор повести не придаёт этому финалу морализаторского звучания. Напротив, он утверждает, что хотел только рассказать с абсолютной искренностью историю большого, разрушительного увлечения, без какой-либо моральной оценки.

смакует с такими подробностями, какие покорили бы даже профессионального содержателя дома свиданий <...> Журнал «Ньюсуик» <...> напечатал пространное интервью с Набоковым, его портрет, сообщил кстати, с искренней радостью, что растлитель юношества, создатель известной садистской повести, является профессором Корнельского университета и что студенты стоят в очередях за его книгой.

Где выкопали американские издатели такое могучее пополнение для литературы, где отыскали они Набокова? На эмигрантской помойке. Белогвардеец Набоков, до того, как он стал наставником и духовным отцом американского студенчества, промышлял антисоветской стряпней, выступая в пресловутом "Голосе Америки"» (С. 3) (Цит. по: *Мельников Н.* [Преамбула к подборке рецензий на «Лолиту»] Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 266). В том же году вышла и другая статья, содержащая упоминание о «Лолите», сообщавшая о безупречном стиле, оформляющем содержание, несовместимое с представлениями о «сегодняшнем дне американской литературы»; именно здесь Гумберт назван «пожилым» мужчиной (Орлова Р. Давайте разберемся? Что нам дорого в американской литературе // Литература и жизнь. 1959. № 109. 11 сентября).

²⁵На самом деле Шарлотта гибнет под колесами случайного автомобиля, выбежав из дома, чтобы вбросить в ящик прощальное письмо Гумберту, которое принялась писать, узнав из его дневника о страсти супруга к падчерице. Так что если Гумберт и выступил причиной смерти Шарлотты, то весьма косвенной.

²⁶Не вполне точно: из предисловия фиктивного доктора Джона Рэя мы узнаем, что «Гумберт Гумберт» умер в тюрьме, от закупорки сердечной аорты, 16-го ноября 1952 г., за несколько дней до начала судебного разбирательства своего дела.

Книга написана сжатым стилем, сохраняет с начала до конца атмосферу напряжённости и драматизма и даёт великолепное описание Америки, через которую Гумберт влечёт свою Лолиту.

Вокруг «Лолиты» развернулась яростная дискуссия и вызвала самые противоречивые оценки: от обвинений в порнографии до восторгов. Интересная деталь: известный английский католический писатель Грэм Грин²⁷ («Тихий американец», «Наш человек в Гаване») высказался положительно о повести Набокова. Даже хулители этой книги высоко оценивают талант Набокова как психолога и художника. Повсеместно считают, что наилучше написанная часть повести — история путешествия доктора Гумберта с Лолитой по всем штатам Америки. И хотя центральная проблема повести достаточно омерзительна для среднего отца семьи (не говоря о матерях), читатели поглощают ее с неким мазохистским наслаждением, оправдываясь фактом, что книга числится в списке бестселлеров и значит, огромное число американцев всё равно прочитают её.

Многие литературные критики, которым книга пришлась по вкусу, пытались найти в ней какие-то моральные ценности, какую-то цель. Однако сам Набоков дезавуировал эти попытки, написавши в связи со своей повестью: «Я не читатель и не писатель дидактических повестей. «Лолита» не включает никакой морали. Лично для меня литературное произведение существует лишь постольку, поскольку даёт мне так сказать, эстетическое наслаждение. Другими словами — если оно переносит меня в другие страны, если вводит меня в эмоциональные состояния, в которых искусство (любопытство, чувствительность, доброта, экстаз) является единственной нормой». Очень плохо зато Набоков отозвался об идейной литературе, называя её «конъюнктурным вздором, отлитым в больших гипсовых блоках, которых с великими осторожностями переносят из эпохи в эпоху. Так что в один

---

²⁷Ивлин Во — Нэнси Митфорд, 11 января 1956: <...> В «Санди таймс» Грэм Грин рекламировал какую-то порнографическую книгу. Я имею в виду такого сорта книгу, за которую ты готова сажать в тюрьму. <...> The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh / Ed. by Charlotte Mosley. Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1996. P. 384; цит. по: «Я не понимаю, из чего сотворен его мир...»: Владимир Набоков в переписке и дневниках современников/ сост., пер., вступ., примеч. Н. Мельникова // Иностранная литература. 2009. № 4. С. 209—266. (К 110-летию Владимира Набокова).

прекрасный день появляется кто-нибудь с молотком в руке и бьёт как следует по Бальзаку, по Горькому, по Манну²⁸. Довольно самоуверенная декларация!²⁹

Во Франкфурте на Майне, на родине Гёте, состоялся международный съезд издателей. Наряду со своими делами участники съезда не забывали и о развлечениях. Снискал, между прочим, известность званый обед, данный для «Lolita-boys», «мальчиков Лолиты» — издателей книги Набокова в разных странах. На обеде подавали «салат а ля нимфет» и «мороженое Лолиты»³⁰.

---

²⁸Очевидно, закрывающая кавычка утрачена.

В оригинале так: «I am neither a reader nor a writer of didactic fiction, and, despite John Ray's assertion, *Lolita* has no moral in tow. For me a work of fiction exists only in so far as it affords me what I shall bluntly call aesthetic bliss, that is a sense of being somehow, somewhere, connected with other states of being where art (curiosity, tenderness, kindness, ecstasy) is the norm. There are not many such books. All the rest is either topical trash or what some call the Literature of Ideas, which very often is topical trash coming in huge blocks of plaster that are carefully transmitted from age to age until somebody comes along with a hammer and takes a good crack at Balzac, at Gorki, at Mann.

Я не читаю и не произвожу дидактической беллетристики, и, чего бы ни плел милый Джон Рэй, "Лолита" вовсе не буксир, тащащий за собой барку морали. Для меня рассказ или роман существует, только постольку он доставляет мне то, что попросту назову эстетическим наслаждением, а это, в свой черед, я понимаю как особое состояние, при котором чувствуешь себя — как-то, где-то, чем-то — связанным с другими формами бытия, где искусство (т. е. любознательность, нежность, доброта, случайность, восторг) есть норма. Все остальное — это либо журналистическая дребедень, либо, так сказать, Литература Больших Идей, которая, впрочем, часто ничем не отличается от дребедени обычной, но зато подается в виде громадных гипсовых кубов, которые со всеми предостережениями переносятся из века в век, пока не явится смельчак с молотком и хорошенько не трахнет по Бальзаку, Горькому, Томасу Манну. (О книге, озаглавленной «Лолита» (Послесловие к американскому изданию 1958-го года)).

Таким образом, в дневнике Назиров приводит либо собственный перевод, либо перевод, опубликованный в советской прессе.

²⁹ Ср. буническое: «Этот мальчишка выхватил пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков, в том числе и меня...»

³⁰ К сожалению, нам не удастся обнаружить других сообщений об этом обеде.

<1964>

Несколько слов о знаменитом³¹ Набокове. Блестящее исключение в русской эмигрантской литературе, он писал под псевдонимом Сирина³². Эмигрант уже младшего поколения, он не брался изображать русскую жизнь и русский быт, ему неведомые. Его психология была уже чисто западной. Он великолепно знал западную литературу: в романе «Камер-обскура³³» он дал искусную вводную пародию на Пруста, на прустовскую манеру бесконечного нанизывания мелких жизненных деталей на один и тот же длинейший невидимый стержень. Но у Пруста за внешней утомительностью манеры кроется искренность: он изобразил самого себя, свой характер³⁴. Сирин себя не рассказывал, он был застѣгнут на все пуговицы. Но одет и причѣсан по-модному. Как же³⁵! В юности он надышался воздухом английской культуры,

³¹ Слово «знаменитый» здесь есьма многозначительно; см. сс. 6.

³² Возможно, основой приводимого Назировым обзора романов Набокова-Сирина послужили мемуары Л. Любимова «На чужбине», опубликованные в журнале «Новый мир» в 1957 году: «В отличие от многих других, Любимов по возвращении в СССР не был сослан в Сибирь, а стал «обличать» своих собратьев по эмиграции в советской прессе. В его мемуарах русский писатель Сирин, «любопытное явление» без «подлинного дыхания жизни», «мастер литературной формы», который «так и не завоевал у американцев настоящего признания» и жил благополучно лишь благодаря знанию бабочек, появился последний раз» ([Шеховцова](#) О. Ночь с «Лолитой». Роман Владимира Набокова в СССР // «Вопросы литературы» 2005, №4).

³³ «Камера обскура».

³⁴ Подробнее и тоньше, но в том же ключе об этом пишет З. Шаховская: Время и Память - два главных персонажа Пруста и Набокова: для Пруста истина познается не только умом, но и сердцем; «персонажи Пруста обладают свободой, незнакомой персонажам Набокова, который движет ими, как шахматными фигурами» (Шаховская З. В поисках Набокова. М.: Книга, 1991. С. 80—81).

Сравним здесь (имея в виду, что, разумеется, и в этом случае Набоков мог (как он это часто делал) искусно путать своего читателя или просто искренне приписывать другому писателю свои творческие принципы): «Книга, которую будто бы пишет рассказчик в книге Пруста, все-таки остается книгой в книге и не вполне совпадает с «Поисками утраченного времени», равно как и рассказчик не вполне Пруст. Здесь фокус смещается так, чтобы возникла радуга на гранях—на гранях того собственно прустовского кристалла, сквозь который мы читаем книгу. Она не зеркало нравов не автобиография, не исторический очерк. Это чистая выдумка Пруста, как Анна Каренина Толстого или «превращение» Кафки, и как Корнеллский университет превратится в выдумку, случись мне когда-нибудь описать его» (Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 2000. С. 278). Заметим также, что в своих поздних лекциях (1994—95 уч. год) Назиров настоятельно предостерегал студентов от прямого отождествления автора художественного произведения с исторической личностью.

³⁵ Похожая тональность звучит в письме Юрия Терапиано Владимиру Маркову (20 апреля 1958): <...> Мне кажется, лучшее, что случилось в эмигрантской литературе, — это как раз наше «неумение» и «нежелание» писать на чужих языках и для иностранцев. Один Сирин — не в счет. Он ведь чувствовал себя англичанином в Кембридже и в то время, когда его сверстники (среди которых были люди породитее Набоковых и побогаче их) умирали на фронте Добровольческой армии, а затем — дробили камни и работали на заводах в Европе. <...>

окончил Оксфорд³⁶, стал учёным, исследователем жизни насекомых. Впоследствии он впитал немало иных влияний...

Наиболее яркие и удачны были у Сирина женские типы³⁷, в которых он подчеркивал ненасытный и беспощадный женский эгоизм. В романе «Король — Дама — Валет» центральная карта, «дама», разрисована и отделана с безупречной тщательностью. В «Камер-Обскуре» женский тип в основе тот же, но яркость его доведена уже до крайнего, чудовищного, кинематографического³⁸ предела.

Эти два романа — лучшие у Сирина³⁹. «Камер-Обскура» сгущённое, сильнее — и безобразнее (замечательное описание болезни и смерти покинутой отцом девочки). В романе «Король — Дама — Валет» Сирин достиг равновесия. Роман искусно открывается изображением поезда, отходящего от платформы; в этом изображении полный реализм намеренно, но без всякой натянутости сочетается с символизмом. Такое же мастерское сочетание в конце романа, в развязке, где бред незаметно переходит в смерть.

---

³⁶ Кембридж.

³⁷ Похоже, Назиров уловил одну из сверхзадач набоковского метатекста. Так, Б. Бойд пишет: «Его особенно огорчало, каким неубедительным и неудовлетворительным получился образ матери <в рассказе «Волшебник»> — никакой индивидуальности, одна болезнь и предсмертные переживания. Зато ее приемница — одна из безусловных удач «Лолиты» («Американские годы»).

³⁸ Эпитет «кинематографический» здесь вполне ожидаем: «...время создания «Камеры обскуры»... — период наибольшего сближения эпической музыки В. Набокова с кинематографом» (*Мельников Н.* [Преамбула к подборке рецензий на «Камеру обскуру»] Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 97); организующим функциям киноприемов в «Камере обскуре» посвящен целый ряд работ; детально разобраны они в кн.: Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце: О русских романах В. Набокова. М.: Новое лит. обозрение, 1998 (гл. IV «Волшебный фонарь, или «Камера обскура»). Однако по смыслу записей можно предположить, что (по всей видимости, в перелагаемом Назировым первоисточнике — думается, что о несамостоятельности назировских оценок свидетельствует уже отсутствие в тексте дневника имен персонажей Набокова) имеется в виду лишь условность, ходульность образа <Марты>. Однако именно в образе Марты, как показывает Н. Букс, эффектно реализуется сложный прием наложения ракурсов как визуальных восприятий не только видимого, но и видящего (так, в ракурсе Кречмара Магда — девушка с полотен старых мастеров, в собственном ракурсе — заурядная практичная мещанка).

³⁹ «Сам Набоков довольно быстро охладел к своему «кинематографическому» роману. Уже в письме от 24 января 1941 г. американскому издателю Джеймсу Лафлину он не побоялся назвать это произведение самым слабым своим романом... В более поздние годы писатель неоднократно подтверждал негативное отношение к собственному детищу в беседах и интервью: «Это мой худший роман. Персонажи — безнадежные клише» ...» (Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 100).

По всей видимости, критика «Дара», несомненно, вершинного произведения русскоязычного Набокова, и без того достаточно скудная, оказалась Р.Г. Назирову недоступна, а «Краткая литературная энциклопедия» со статьей О. Михайлова и Л. Черткова (М., 1968. Т. 5. Стлб. 60—61), где говорится, что «в романе «Дар» дается «тенденциозно искаженный образ Н. Г. Чернышевского», выйдет в свет лишь четыре года спустя.

Роман «Защита Лужина» изображает безумие гениального шахматиста. Жизненные ткани повествования однообразно-тощи; правда, в соответствии с темой. Острому, блестяще-равнодушному дарованию автора грозит опасность высыхания⁴⁰. Сирин — формалист, он пристрастен к методу остранения.

Одна из последних вещей Сирина, т.е. его русского периода, называлась «Приглашение на казнь»: там главное действующее лицо только «переплетено в человеческую кожу»⁴¹, но не живёт.

Несмотря на весь талант Сирина, его искусство начинало клониться к закату. Как быть русским писателем вне России? Кому он нужен, кому известен?

Он стал писать на английском языке. Набоков переехал в Америку, и последовавшие его произведения выходили в свет уже под его настоящим именем. Среди героев уже не было больше русских. Роман «Лолита», где малолетняя нимфоманка соблазняет пожилого⁴² мужчину, вызвал сенсацию во всем мире. Из него был сделан фильм (правда, плохой)⁴³. В ряде мест роман отличается высокими художественными достоинствами: пейзажи Америки во время автомобильных скитаний необычной четы. Все прежние произведения Набокова были переизданы⁴⁴. В дальнейшем он уже писал только на английском языке, и англо-саксонская критика признала его одним из лучших стилистов в литературе на английском языке.

<...>Перед самым приездом Тома я прочёл роман Набокова «Лолита» на английском языке⁴⁵. Изумительный стиль, многое очень правдиво

---

⁴⁰Высказывание вполне в духе Г. Иванова, Ю. Терапиано — наиболее желчных критиков Набокова; однако подобные прогнозы делались в связи с предыдущими романами Набокова; «Защиту Лужина», эмигрантская критика как раз приветствовала наиболее благосклонно («Классик без ретуши»)

⁴¹Это точная цитата из текста, однако, ошибочно отнесенная к главному герою, Цинциннату: это он говорит библиотекарю (одному из «винтиков» неумолимой тюремной системы): «Постойте, не уходите еще. Я хоть и знаю, что вы только так — переплетены в человечью кожу, все же... довольствуюсь малым... Послезавтра...».

⁴²И снова уточним: Гумберту к началу повествования 37 лет; Назирову в момент создания этих записей — 30.

⁴³Стенли Кубрик считал фильм «Лолита» (1962) «своим единственным явным провалом» (Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. М.: Симпозиум, 2010. С. 1013).

⁴⁴В переводах, следовало бы уточнить.

⁴⁵Возможно, получил книгу Назиров на следующих условиях: «Эмигрантские современники недооценили возможности самиздата и развитой сети распространения подпольной литературы в СССР. Уже в 1969 году в Ленинграде тариф за ночь с Лолитой был установлен в размере 6 рублей — при условии, что читатель обязуется не делать копий с одолженного экземпляра, и 10 — за разрешение на фотокопирование» (Левинг Ю. Гипс, мрамор, канон: реабилитация Набокова // Империя Н. Набоков и наследники: сб. ст. / ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 126.)

психологически, многое поражает. Это вовсе не порнография, это искусство⁴⁶. Но сцена убийства того эротомана до того правдива, что даже внушает омерзение. Набоков — блестящий талант. Есть страницы, где синтез русского живописного стиля старой школы и англо-саксонской повествовательной традиции дает потрясающий эффект. Я бы хотел перечитать «Лолиту» еще раз, если удастся.

По сути дела, «Лолита» есть перенесение в плоскость тонкого, культурного модернизма двух тем Достоевского⁴⁷: темы патологической любви к незрелой девочке и темы убийства⁴⁸. Но с изысканным стилем и с полным раскрытием всех факторов; полное отсутствие тайны, необъяснимости, символа. По сравнению с Достоевским это выглядит игрой. Да, обточка уже чересчур хороша⁴⁹. Это значит, что силы мало⁵⁰.

Красивый стиль свидетельствует о слабости духа. Кому нужно много сказать, тот не шлифует своих алмазов, а бросает их негранёными, полная горсть за горстью. Некоторая дикость всегда присуща гениальному стилю

О способах и порядке проникновения в СССР набоковских произведений подробно рассказывается в статье: [Шеховцова](#) О. Ночь с «Лолитой». Роман Владимира Набокова в СССР// Вопросы литературы. 2005. № 4.

⁴⁶Скрупулезному и весьма убедительному доказательству этого тезиса посвящена вышедшая за два года до этой записи статья Станислава Лема «Лолита, или Ставрогин и Беатриче».

⁴⁷Назирова оказывается среди тех, кто пронизательно заметил литературное родство Достоевского и Набокова (от чего Набоков всю жизнь яростно открещивался).

⁴⁸О том же пишет С. Лем: «И, наконец, встречаются индивиды высокого умственного уровня, которые способны самостоятельно анализировать существующие в обществе нормы и запреты, психопаты высокоинтеллектуальные, часто наделенные талантом, которые, опираясь на самоанализ, приписывают себе право ломать обязательные нормы. Такой узурпацией был порожден поступок Раскольников».

⁴⁹Ср.: «...веет впечатлением такой талантливости, которая слишком заметна, которая переходит в нарядность» (Ю. Айхенвальд в рецензии на роман «Король, дама, валет» (1928)).

⁵⁰Здесь Назирова — кроме резюмирующей оценки, разумеется, — созвучен любимому критику Набокова — Вл. Ходасевичу (рец. на роман «Камера обскура» (1934)): «В заключение скажу лишь несколько слов об очаровательном, порой как бы даже пресыщающем мастерстве, с которым роман написан. Свою изобретательность Сирин на этот раз доводит до дерзости, можно сказать, равной той, с которой Горн издевается над Кречмаром. Приходится удивляться, с какой безошибочной точностью Сирин пользуется самыми острыми и рискованными приемами. Я бы даже решился сказать, что именно точность и безошибочность работы на сей раз доведена Сириним почти до излишества. Может быть, было бы лучше, если бы хоть что-нибудь было в этом романе написано немножко «спустя рукава». Но, разумеется, если об авторе говорят, что он пишет «слишком хорошо», то это еще не большой упрек».

(Шекспир, Толстой, Достоевский)⁵¹. — И все же Набоков неплох. А Лолиты существуют и у нас в Союзе. В Москве их полно!

19 мая. Вторник.

Владимир Владимирович Набоков принадлежит к дворянской фамилии, восходящей к XV веку. Он родился в Санкт-Петербурге в 1899 г.

Его отец — Владимир Дмитриевич Набоков (1870—1922) был юрист, член первой Думы и один из трёх издателей большой либеральной газеты «Речь». Он был убит в Берлине русскими крайними монархистами. Он — один из лидеров кадетов.

Его дед, Дмитрий Николаевич Набоков (1827—1904) — министр юстиции при Александре II и Александре III.

Прадед писателя, Николай Александрович Набоков, был морской офицер. В 1817 г. он участвовал в экспедиции, которая исследовала Новую Зеландию — одна река там носит его имя⁵².

У Владимира Набокова есть брат Кирилл и сестры Ольга и Елена. Другой его брат — Сергей — умер в гитлеровском концлагере около Гамбурга в 1942⁵³ г.

---

⁵¹Сущность этого виртуального проигрыша Набокова Достоевскому вновь раскрывает С. Лем: «Акт убийства, так же как и половой, содержит в себе — ничего не поделаешь! — что-то от банальности (в художественном отношении, прошу понять!), а Набоков боится банальности как огня. Достоевский не сделал бы такой ошибки, потому что ничего не боялся. Он сам был себе миром, сам устанавливал законы своих произведений, и никакое внешнее влияние не трогало его. В конечном счете оказывается, что из двух писателей, из которых один не хочет считаться с условностями, а другой попросту их игнорирует, — первый слабее: он действует против чего-то, как человек, а другой просто действует, как демиург. Еще секунда, и я сказал бы: "как стихия"».

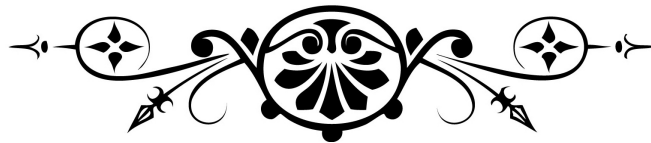
⁵²Николай Александрович Набоков (1795—1873) молодым флотским офицером участвовал в 1817 году картографической экспедиции на Новую Землю. Граф Ф. П. Литке во время руководимой им экспедиции на Новую Землю назвал именем своего друга «реку Набокова» на одном из островов. По воле небрежного автора источника (самому Назирову небрежность присуща не была) автор дневника разрушает эффектную коллизию, перенося набоковскую реку из северного полушария в южное. Младший сын Александра, Николай (1795—1873), — прадед писателя. В 1959 году Владимир Набоков испытал суеверный восторг, когда ему сказали, что его прадед был первопроходцем. За два года до этого он начал обдумывать роман «Бледный огонь», который в своем первоначальном варианте начинается дворцовой интригой на Ultima Thule, перерастающей, благодаря тайной помощи Новой Зембли, в революцию. И вот его двоюродный брат Сергей сообщает ему о своей последней находке: их прадед, очевидно, участвовал в картографической экспедиции на принадлежавшую России Новую Землю и одна из рек там носит его имя. Набоков ошеломлен: «Когда я думаю о том, что мой сын — альпинист (и первым покорила какой-то пик в Британской Колумбии) и что сам я открыл и назвал несколько видов бабочек (а несколько были названы моим именем — одна, очень редкая, — в Аляске, другая — в Юте), набоковская река на Новой Земле приобретает почти мистическое значение» <Из письма В.В. Набокова к С.С. Набокову (двоюродному брату)>. Не склонный говорить о своих неоконченных произведениях, он умолчал о том, что другая Новая Земля уже была нанесена на карту его воображения (Бойд Б. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. М.: Симпозиум, 2010. С. 27).

⁵³В действительности в 1945 г.

Набоков в 1925 г. женился на Вере Евсеевне Слоним. У них есть один сын — Дмитрий (родился в 1934).

Французский журнал «L'Arc» посвятил Набокову целый номер весной 1964 г. (№ 24). Там, на стр. 98, напечатана следующая «политическая декларация» Набокова:

«Je me moque de la politique comme telle. Je méprise toute force qui atteint la liberté de pensée. Je suis contre toute dictature, de droite ou de gauche, terrestre ou céleste, blanche, grise ou noire, rose, rouge ou pourpre, Jean le Terrible ou Hitler, Staline ou Khrouchtchev, Trujillo ou Castro. Je ne reconnais que les gouvernements qui laissent l'individu dire ce qui lui plaît.⁵⁴»

---

⁵⁴ В начале декабря Набоков послал <издателю журнала «Арк»> Рене Миша письмо для публикации в посвященном ему выпуске «Арка»: «Не моя привычка выставлять напоказ свое политическое кредо. Тем не менее определенная симпатия к Кастро, которую я, как мне кажется, обнаружил в посвященном Кубе выпуске «Арка», заставляет меня дать краткое разъяснение моих принципов. Мне наплевать на политику как таковую. Но я ненавижу, когда сила ущемляет свободу мысли. Я против любой диктатуры, правой или левой, земной или небесной, белой, серой или черной, розовой, красной или пурпурной, Ивана Грозного или Гитлера, Ленина, Сталина или Хрущева, Трухилло или Кастро. Я приемлю только правительства, которые позволяют человеку говорить то, что он хочет».

Рене и Жизлен Миша очень расстроились. Они считали «Арк» культурным обзором, не имеющим отношения к политике, и боялись, что набоковский манифест превратит его в политическое издание. <...> В качестве компромисса он предложил убрать первые два предложения своего письма, и они согласились (Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. М.: Независимая газета; Спб.: Симпозиум, 2001. С. 1044).